

СБОРНИК «ИЗ ГЛУБИНЫ» (1918): ОСОЗНАНИЕ ДИКТАТУРЫ. НОВЫЕ ДАННЫЕ

Модест Алексеевич Колеров

Кандидат исторических наук, главный редактор информационного
агентства REGNUM
E-mail: kolerovm@gmail.com

"DE PROFUNDIS" COLLECTION (1918): THE COMPREHENSION OF DICTATORSHIP. NEW FACTS

Modest Kolerov

Editor-in-chef of REGNUM News Agency
E-mail: kolerovm@gmail.com

В статье исследуются новые данные по истории сборника «Из глубины», которые демонстрируют, что идеологи либеральной антибольшевистской контрреволюции были готовы к длительной подпольной борьбе и внешне лояльной культурной работе при большевистской диктатуре.

Issue investigate new facts on history of "De Profundis" collection, which demonstrate that an ideologists of liberal antibolshevik counterrevolution were lists for a long-time secret struggle, but loyal culture work under bolshevik dictatorship.

Ключевые слова: «Из глубины», антибольшевистская контрреволюция, либерализм, диктатура.

Keywords: "De Profundis", antibolshevik counterrevolution, liberalism, dictatorship.

История «идейного сборника» «Из глубины» (1918), последнего в серии коллективных манифестов круга П. Б. Струве, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева и С. Л. Франка после сборника «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909), изучена очень плохо. Тому причиной — само время, когда он готовился к печати, время революции и начала Гражданской войны, и среда — контрреволюционное подполье, ставшее объектом красного террора, и вынужденно замолчавшая в условиях политической цензуры несоветская интеллигенция. Этот сборник был первым, который инициировал и составил лично Струве: «Проблемы идеализма» он лишь инициировал, а составил П. И. Новгородцев (он принял участие и в «Из глубины»), а «Вехи» инициировал и составил М. О. Гершензон. Струве лишь перехватил первенство в его толковании от имени большинства авторов сбор-

ника (в антибольшевистском «Из глубины» Гершензон участия не принял, став на сторону большевиков, что вызвало даже его личный конфликт с Бердяевым) (Бердяев, 1992).

В том немногом, что известно об истории сборника «Из глубины», важным представляется его составление и печатание в Москве летом 1918 г. — первоначально в качестве «Сборника “Русской Мысли”», которым редактор-издатель журнала «Русская Мысль» Струве намеревался закрыть свои обязательства перед подписчиками журнала, в первом полугодии 1918 г. вышедшего лишь двумя сборными номерами — 1–2 (январь–февраль) и 3–4 (март–апрель). Так в старой России часто делали издатели толстых журналов, столкнувшись с цензурными препятствиями к дальнейшему регулярному изданию: они издавали и рассылали подписчикам специально собранные книги, в которых использовался редакционный портфель журнала в соответствии с его идейно-политической программой. Название «Сборник “Русской Мысли”» сохранилось на сигнатурах первого издания книги, типографски маркировавших внутренние тетради сборника, по объему примерно соответствовавшие одному печатному листу. Первые согласно алфавитному порядку статьи (тексты С. А. Аскольдова, Бердяева и Булгакова), наиболее обширные по объему, стали и главными по содержанию. Им могли лишь сопутствовать более слабые тексты самого Струве и Франка, не говоря уже об остальных.

Летом 1918 г. главным препятствием для продолжения выхода в свет антисоветских (и просто несоветских политических) периодических изданий — и, следовательно, формальным мотивом к изданию «Сборника “Русской Мысли”» — стали последствия восстания левых эсеров, подавленного 6 июля. Будучи участниками коалиции с большевиками в первом советском правительстве РСФСР, они убили посла Германии в Москве, чтобы вывести Россию из Брест-Литовского договора с Германией и возобновить революционную войну. На следующий день, 7 июля, издание всей небольшевистской политической периодики было прекращено. Известны примеры того, как статьи на политическую тематику переместились в неполитические издания (см., например, антисоветскую публикацию расстрелянного большевиками 22 июня 1918 г. капитана 1 ранга А. М. Щастного в «Женском журнале» за август 1918 г.), но они были редки и не имели продолжения в зоне контроля большевиков.

Предисловие издателя к сборнику, подписанное говорящими инициалами П. С., датировано «Июль 1918 г.». Однако это дата не начала работы над сборником, а ее окончания: вполне возможно, еще весной 1918 г. «Из глубины» рассматривался не в качестве замены, а в качестве параллельного журналу издания.

Вошедшие в сборник статьи Аскольдова «Религиозный смысл русской революции», А. С. Изгоева «Социализм, культура и большевизм», В. Н. Муравьева

«Рев племени» и И. А. Покровского «Перуново заклътье» датированы авторами в конце текстов соответственно: «29 апреля 1918 г.», «1(14) июня 1918», «Июнь 1918» и «Июль 1918». Следует внимательно проследить за хроникой работы над сборником в контексте печатания номеров журнала и в целом биографии Струве. Как известно, Струве вернулся в Москву, к редакционной и политической работе, с юга России, где участвовал в создании белой Добровольческой армии, в январе 1918 г. Сдвоенный № 1–2 «Русской Мысли» он издал в феврале, так как третий отдел номера традиционно завершает и косвенно датирует «Список книг, поступивших в редакцию с 1 декабря 1917 г. по 1 февраля 1918 г.». Лишь в июне 1918 г. Струве сдал в печать сдвоенный № 3–4, завершавшийся «Списком книг, поступивших в редакцию с 1 февраля по 1 июня 1918 г.».

При этом давно опубликованы данные (Колеров, Плотников, 1990; 1991), согласно которым редакционная работа над содержанием сборника началась еще в марте-апреле, когда возникла первая длительная пауза в регулярном издании журнала. Аскольдов уже 3 (16) апреля 1918 г. отвечал из Казани в Москву Вяч. И. Иванову, который, несомненно, выступал по поручению Струве как составителя: «Дорогой Вячеслав Иванович! Ваше пожелание написать статью в 3-недельный срок исполнить не смог... Но я все же сегодня закончил статью листа в 2–2½, и надо только ее переписать, на что потребуется дней пять, т.к. мне же это и придется проделывать. Рискованно посылать по почте, но я все же не имею иного способа Вам переслать. Имейте в виду, что пошлю Вам статью, не надписывая ее заглавия, так как это может заинтересовать с точки зрения политической цензуры, а цензоров теперь, конечно, не меньше, чем при старом режиме. А потому и прошу уже Вас по получении статьи надписать заголовок: “Религиозный смысл русской революции”»¹. И через неделю: «С перепиской у меня дело задержалось... Надеюсь, что в Вербную субботу отправлю Вам рукопись; все равно ведь до Пасхи уже к набору не приступят. Жена² написала, что Вы выразили готовность взять на себя корректуру»³. В письме от 16 (24) апреля Аскольдов сообщил об отсылке статьи и напомнил Вяч. Иванову о написании заголовка и корректуры. Почтовый штемпель на конверте указывает, что письмо отправлено из Казани 30 апреля н. ст. и получено 8 мая⁴.

31 мая Булгаков писал А. С. Глинке (Волжскому): «В воскресенье в Р<елигиозно->ф<илософском> об<ществ>е читаю прощальное (конечно, неведомо для публики) Кармашиновское “Merсі” — свои диалоги»⁵.

¹ ОР РГБ. Ф. 109. Оп. 1. Карт. И. Ед. хр. 19. Л. 7–7 об.

² Жена Аскольдова, Е. А. Алексеева-Аскольдова, в описываемое время работала в Наркомате путей сообщения РСФСР в Москве (ОР РГБ. Ф. 25. Оп. 1. Папка 8. Ед. хр. 6).

³ ОР РГБ. Ф. 109. Оп. 1. Карт. И. Ед. хр. 19. Л. 6.

⁴ ОР РГБ. Ф. 109. Оп. 1. Карт. 11. Ед. хр. 19. Л. 9.

⁵ РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 193. Л. 289.

Таким образом, в мае 1918 г., еще до выхода в свет очередного номера журнала, в редакции шла работа над сборником.

Тем временем весной и в начале лета 1918 г., не прекращая усилий по консолидации антибольшевистского подполья, Струве предпринял действия по своей легализации в условиях большевистско-левоэсеровской диктатуры. Он не только зачастил с открытыми публикациями на научно-политические темы в московской либеральной газете «Русские Ведомости» (под новыми названиями, но в старом облики, верстке, издании, при неизменном коллективе авторов) и московском еженедельнике «Накануне» (Колеров, 2017б); не только продолжил участие в жизни Российской академии наук; не только спешно запланировал к изданию и объявил огромную книжную серию «Библиотеки Общественных Знаний», на реализацию которой еще не были даже найдены все авторы и потребовалось бы не менее трех лет (Там же); но и официально оформился на службу в Московском университете. Пресса сообщила о заседании университетского совета Московского университета от 31 марта 1918 г., по решению которого Струве был допущен к работе в качестве преподавателя исторического факультета⁶.

Есть основания полагать, что намерения Струве легализоваться для продолжения подпольной антибольшевистской деятельности и максимально использовать любые возможности для общественной и издательской работы в целом разделяли его коллеги по сборнику, начиная с Франка, работавшего в Саратовском университете, Бердяева, работавшего в архиве бывшего Министерства иностранных дел, и т. д. Тексты авторов ясно свидетельствуют о нередкой для весны — начала лета 1918 г. тенденции к осознанию, оправданию и даже апологии государственной диктатуры, которая, как представлялось, должна была избавить Россию от большевистской капитуляции перед Германией и управленческого хаоса, разрушавших государственность. В этом поле, в частности, действовал упомянутый московский еженедельник «Накануне», руководимый Н. В. Устряловым.

Аскольдов в сборнике прямо исследовал превращение революции в диктатуру как органический и закономерный процесс и находил слова для оправдания революции и социализма: «Социализм есть порождение гуманизма... в нем есть нечто формально совпадающее и с Христианством» (Из глубины: 45)⁷; «Нельзя не признать, что нормальная, с религиозной точки зрения, эволюция, конечно, невозможна в эмпирических условиях земного существования. Здесь на земле неизбежны всякого рода механические срезы и катастрофы. И несомненно, что и через них тоже происходит религиозное творчество и созревание. В этом смысле религиозное отрицание революций есть такая же практически бесплодная оцен-

⁶ Заря России. М. № 1. 4(17) апреля 1918. С. 3.

⁷ Здесь и далее в случае цитирования из сб. «Из глубины» в круглых скобках приводится номер страницы. — Прим. ред.

ка, как и религиозное отрицание войны» (24); «...конечно, неизбежно как-то религиозно принять и по-своему оправдать не только войну, но даже и революцию. <...> Религиозно приходится принять и смерть. Однако мы все же понимаем, что именно смерть есть последний и самый роковой результат греха. Революция есть по существу предварение общественной смерти, лишь осложняемое последующим возрождением и обновлением. Возможность такого сочетания жизни и смерти и одном процессе станет нам понятной, если мы поймем, что по смыслу своему революция есть все же стремление, утверждающее жизнь, а именно попытка произвести некоторую жизненную метаморфозу, хотя и вопреки закону органического развития» (25); «Революционизм, анархизм и деспотизм — это три порыва в жизни общественных организмов, которые при всем своем внешнем несходстве внутренне между собою связаны и непосредственно порождают друг друга. Революция есть порыв творчества целого, порыв положительный в своем созидательном замысле, однако ложно исходящий не от центра, а от периферической множественности и будящий ее хаотические силы» (26). Логичным продолжением этих утверждений Аскольдова стали его свидетельства о бездействии и «параличе» предреволюционной Русской православной церкви как «совести общественного организма России» (38, 39) и служивший революционному отрицанию жесткий критический диагноз монархии и официальной церкви: «...в ней начался как бы своего рода внутренний гнойный процесс, для одних служивший отравой, для других — соблазном к хуле и отпадению от Церкви и Христианства. Персональным выражением этого процесса явилось фактическое влияние, граничащее с некоторым владычеством над русскою Церковью, известного “старца” Распутина» (39); «...в Распутине концентрировался весь яд религиозно-государственного греха русской души и обличалось внутреннее падение той части ее состава, которому надлежало быть выразителем святого начала» (45). Фигуре «ложного пророка» Распутина Аскольдов прямо противопоставлял «истинного пророка» — Владимира Соловьева, который «был именно человеком, более всякого другого умевшим указать и разъяснить тот средний путь, по которому должна была бы пойти русская религиозная общественность» (42).

Обширную проповедь Аскольдова Струве уверенно поставил на первое место в сборнике, лишь формально подчинив его структуру алфавитному принципу. Опыт такой формальности был пережит кругом авторов сборника «Вехи» (1909), когда в знак несогласия с общей идеалистической платформой коллектива авторов один из них, Изгоев (в 1918 г. ставший и автором сборника «Из глубины»), потребовал в первом издании разместить свою статью в конце, изъяв из общего алфавитного порядка (Колеров, 1991: 16). В случае со статьей Аскольдова в новом сборнике Струве, несомненно, помнивший о прецеденте Изгоева, не нашел оснований для исключения проповеди Аскольдова из круга солидарных авторов

и тем косвенно разделил его главные мысли, хотя, конечно, вряд ли Струве изменил в 1918 г. отношение к большевистской революции как к *контрреволюции*, разрушительной для государства.

Не менее красноречива вторая, столь же крупная статья сборника — «Духи русской революции» Бердяева. Здесь он вполне пореволюционно, то есть не контрреволюционно, а после-революционно, в синтетическом ключе, утверждает: «Ныне водители русской революции поведали миру русский революционный мессианизм, они несут народам Запада, пребывающим в “буржуазной” тьме, свет с Востока. Этот русский революционный мессианизм был раскрыт Достоевским и понят им как негатив какого-то позитива, как извращенный апокалипсис, как вывернутый наизнанку положительный русский мессианизм, не революционный, а религиозный» (72). «Старая Россия, в которой было много зла и уродства, но также и много добра и красоты, умирает. Новая Россия, рождающаяся в смертных муках, еще загадочна. Она не будет такой, какой представляют ее себе деятели и идеологи революции» (89).

Внимательное чтение помогает обнаружить и вполне «сменовеховские» (если соотносить с реальностью 1918 г. сборник «Смена Вех» 1921 г.) настроения Изгоева, который в сборнике фактически ведет с большевиками политический торг о привлечении к коалиционной власти интеллигенции, тактически не согласной с большевиками. Он говорит прямо — и в этих словах звучат будущие ноты «национал-большевизма» и евразийства, также претендовавших на раздел власти с большевиками: «...если случится чудо и страна воскреснет, если силой тяготения соединятся, на первых порах хотя бы и не все, части разорванного целого, сможет ли этот зародыш воскресающего государства жить и развиваться, расти и крепнуть? Это в значительной степени зависит от идей правящих, руководящих групп. Опыт доказал нам, что без интеллигенции и помимо нее нельзя создать жизнеспособного правительства» (151). «Большевики лишь последовательно осуществили все то, что говорили и к чему толкали другие. <...> Добро-совестность велит признать, что под каждым своим декретом большевики могут привести выдержки из писаний не только Маркса и Ленина, но и всех русских социалистов и сочувственников как марксистского, так и народнического толка. Единственное возражение, которое с этой стороны делалось большевикам, по существу, сводилось к уговорам действовать не так стремительно, не так быстро, не захватывать всего сразу» (152).

Да и сам Струве в статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи» демонстрирует, несомненно, притворное, подпольное, но вполне однозначное смирение перед политической диктатурой большевиков, уповая лишь на ее исподвольное перерождение — так, как это делали последователи и наследники Струве Ключников, Устрялов, Савицкий, от которых в эмиграции

тот с гневом отрекся: «Если есть русская “интеллигенция” как совокупность образованных людей, способных создавать себе идеалы и действовать во имя их, и если есть у этой “интеллигенции” какой-нибудь “долг перед народом”, то долг этот состоит в том, чтобы со страстью и упорством нести в широкие народные массы национальную идею как оздоровляющую и организующую силу, без которой невозможно ни возрождение народа, ни воссоздание государства. Это — целая программа духовного, культурного и политического возрождения России, опирающаяся на идейное воспитание и перевоспитание образованных людей и народных масс. Мы зовем всех, чьи души потрясены пережитым национальным банкротством и мировым позором, к обдумыванию и осуществлению этой программы» (250).

Еще более примирителен с политической диктатурой большевиков Булгаков. В диалогах «На пиру богов» он высказывал свои идеи (с внятными католическими обертонами) устами наиболее близкого ему персонажа, *Светского богослова*, и отчасти *Беженца*. Автор рассчитывал на долгое существование под властью большевиков, равно как ранее — под властью самодержавия, имея целью решить независимую от какой бы то ни было власти историческую церковную и политическую интеллигентскую задачу — восстановить государство и возродить народное хозяйство России *без контрреволюции, без прямого свержения большевиков*: «(*Светский богослов*) Надо возрождать церковную жизнь, — это сейчас самая важная патриотическая, культурная, даже политическая задача в России. Только отсюда, из духовного центра, и может быть возрождена Россия, а потому и собор наш я признаю самым важным событием новейшей русской истории, а в частности и революционной эпохи, со всеми переменами декораций и партийными бурями в стакане воды. <...> Без воспитания церковного нам не восстановить ни народного хозяйства, ни государственности» (131). «(*Светский богослов*) Вот почему такое значение имеет теперь приближение интеллигенции к церкви. В отрыве от церкви она погибнет, но и церкви не справиться со своими очередными задачами без прилива свежих сил. А при этом условии не страшна ей реакция. Церковь приобретет независимость и упругость вместе с навыками к борьбе и окажет противодействие новому насилию. <...> Но разве церковь в своей борьбе с насильниками может теперь опереться на что-нибудь помимо церковного народа? Вот и происходит повсеместная его мобилизация. Появление настоящей церковной демократии есть одно из знаменательнейших явлений русской жизни за революцию» (133). «(*Светский богослов*) Никаких новых событий в церковной жизни не произошло, вся эта политическая шумиха и даже катастрофа не достигает глубины церковной жизни. И вообще православие останется до конца мира самим собой как “единая, соборная, апостольская церковь”. <...> Никакой связи между православием и самодержавием, кроме как исторической, вообще нет, и

это воочию подтвердилось теперь, когда православие получило, наконец, свободу и его никто уже не может попрекать союзом с самодержавием» (135). «(Светский богослов) И все-таки в союзе православия и самодержавия ничего мистического я не вижу. Православие процветало не только в Москве, но и в северно-русских республиках, где осуществился величайший подъем национального творчества: иконописи, храмостроительства. Оно жило под Батыем, живет под султаном, как и теперь под большевиками. И связывать его судьбы с самодержавием можно, только закрывая глаза на его историю» (137). «(Беженец) Сознаю также историческим разумом своим, что православная церковь в России есть первый, а теперь даже единственный оплот русского национального и культурного сознания, и на служение ей прямо или косвенно, должны быть отданы все лучшие силы страны, так или иначе должны на нее «ориентироваться». Этому научают нас тяжелые испытания, которые нудят сплотиться около церкви, подобно тому как раздробленная Польша соединилась около костела. И русской церкви предстоят великие задачи и в области культурного творчества, она должна снова облагодатствовать русский гений. Однако мню, что для этого ей надлежит победить и свою собственную замкнутость, и живо ощутить разделение церковей как рану на живом теле церкви» (127).

В этом *изначально политически примирительном* по отношению к революции и диктатуре большевиков, но вскоре оказавшемся неуместным контексте новые данные, впервые вводимые в научный оборот в настоящей публикации, позволяют детализировать и отчасти прояснить издательскую и, главное, идейную историю сборника «Из глубины». В петроградской (головной) части редакции велась и сохранилась конторская книга журнала «Русская Мысль» за 1917–1918 гг.⁸ Главное в ней с точки зрения истории сборника то, что контора журнала вела платежи до сентября 1918 г. включительно⁹. 14 сентября 1918 г. в контору поступило от Струве (который тогда приехал в Петроград из Москвы) 1 100 рублей, в тот же день были выданы авансы в счет гонорара авторам сборника: Бердяеву — 500 рублей, Е. М. Алексею (полагаю, Е. А. Алексеевой) — 400 рублей, Вяч. И. Иванову — 20 рублей. При этом выплаты были объединены отдельной рубрикой под заглавием «Сборник “Из глубин”» (так!)¹⁰. Еще более красноречивы типографские расходы, в которых, против обычного, зафиксированы оплаченные услуги

⁸ ИРЛИ. Ф. 264. № 48.

⁹ ИРЛИ. Ф. 264. № 48. Лл. 432об., 420об–421. 30 сентября 1918 г. было выдано жалование М. М. Штильману за 18 дней сентября. Жалование Струве как фактического главы редакции составляло 300 рублей в месяц. Последнее «причитается» было указано 30 сентября 1918 г., но реально выплачено было в счет жалования лишь 50 рублей только 9 сентября 1918 г. (Л. 355). Последний платеж конторы вообще последовал Обществу электричеству освещения — было уплачено 3 октября 1918 г. за свет с 12 августа по 10 сентября 1918 г. (14 рублей 11 копеек) (Л. 328 об.).

¹⁰ ИРЛИ. Ф. 264. № 48. Л. 423об–424.

типографии Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко вообще, в целом по счетам, а не за отдельные и конкретные номера журнала. От 1 июля 1918 г.: 27 июня 1918 г. была за все типографские услуги уплачена огромная сумма 10 000 рублей — и мы можем предположить в ней оплату за уже вышедшие в свет номера журнала и, главное, печать сборника.

Из этого следует, что сборник был напечатан уже в июне 1918 г. И лишь официальная датировка вошедшей в него статьи Струве *августом 1918-го* заставляет думать, что Струве злоупотребил властью главы проекта и допечатал свою статью отдельно, позже остальных. Это значит также, что допечатанный в августе сборник имел еще меньше шансов выйти в свет и остался лежать в типографии, ибо в России начался красный террор, объявленный большевиками после убийства главы петроградской ЧК М. М. Урицкого 30 августа 1918 г. и покушения на главу СНК РСФСР В. И. Ленина в тот же день.

Как уже говорилось, в сентябре 1918 г. Струве выехал из Москвы в Петроград, а затем в Финляндию, перейдя к открытой борьбе против большевиков. В августе-сентябре, видимо, окончательно прояснилась судьба сборника для авторов. И Булгаков, находившийся в это время в Киеве, прямо написал в предисловии к отдельному изданию своего текста от имени издательства «Летопись» (Н. С. Жекулина): «Настоящая работа профессора, ныне священника С. Н. Булгакова предназначена для сборника статей, подготовляемого группой писателей к печати [в] Москве и посвященного проблемам русской общественности. По соглашению с автором, издательство получает возможность опубликовать “Современные диалоги”, не дожидаясь выхода в свет всего московского сборника, отдельным изданием в Киеве» (Булгаков, 1918: 3)¹¹.

Известен и печатный оттиск статьи Бердяева «Духи русской революции», вошедшей в сборник. На оттиске статьи Бердяева имеются сигнатуры: «Сборник “Русской Мысли”». Но сопутствующая в РГАЛИ оттиску машинописная копия статьи Бердяева дает более полную библиографическую ссылку: «Сборник “Русской Мысли”. СПб.-М. Июль 1918». В этот оттиск Бердяевым внесена правка, очевидно, с целью переиздания статьи. Таковым, скорее всего, должно было стать включение ее в запланированный авторский сборник статей «Духовные основы

¹¹ В 1920 г., конечно, без ведома Булгакова, брошюра была напечатана отдельным изданием Российско-Болгарским книгоиздательством, директором-распорядителем которого был тот же Жекулин (С. Булгаков. На пиру богов. Диалоги. София, [1921] (на обороте титула: 1920)). Булгаков писал знакомым из Оленза (Крым) 12 (25) ноября 1921 г.: «За последние годы, между прочим, я написал три диалога о современной России, один из них был издан в Киеве в 1918 “На пиру богов”» (Два письма прот. Сергия Булгакова // Вестник РХД, № 194. II — 2008. С. 99.). Видимо, именно софийское переиздание рекомендовал Струве для прочтения своему сыну Константину в 1921 г., что отразилось в его записной книжке в июне 1922 г.: «Булгаков. “На пиру у богов”» (так) (ГАРФ. Ф. 5912. Оп. 2. Ед. хр. 251). П. И. Новгородцев, разыскивая тексты для английского сборника о России, тоже вспомнил о работе Булгакова и писал Струве 23 марта 1921 г.: «У меня только явилась в последнее время мысль в виде четвертой статьи взять Булгакова: “На пиру богов”. Я по этому поводу пишу Жекулину в Софию» (Колеров, 2018: 132).

русской революции» (М., 1918). «Пореволюционные мысли (Вместо предисловия)» к этому сборнику, датированное 25 октября 1918 г. (ст. ст.), позволяет отнести время внесения правки к периоду с июля по октябрь 1918 г. Однако в план сборника статья из «Из глубины» Бердяевым в итоге включена не была.

* * *

Теперь, перед лицом новых фактов и нового чтения текста в свете этих фактов, стоит вернуться к традиционной истории сборника «Из глубины», который в 1967 году, впервые после неудач 1918 и 1921 гг., переиздал в Париже по экземпляру Бердяева внук Струве, выдающийся просветитель и хранитель наследия русской эмиграции Н. А. Струве. Здесь я как свидетель и участник издания могу добавить, что в СССР в 1990 г. сборник «Из глубины» был впервые переиздан в издательстве МГУ по подлинному экземпляру: помню, что он был в весьма хорошем состоянии. Титульный лист его, по моему предложению, был воспроизведен на контртитule книги как доказательство ее прямой связи с оригиналом. Потом стало известно, что такой экземпляр сохранился в России в личной библиотеке А. Ф. Лосева (Колеров, 1998).

Далее при упоминании об истории «Из глубины» обычно цитируются воспоминания Франка, который, напомню, наблюдал за московской историей создания сборника издаека, из Саратова. Франк писал, концентрируя сюжет вокруг фигуры Струве: «Издание “Русской Мысли” прекратилось весной 1918 года. Весной и летом между нами снова завязалась связь по новому задуманному им литературному начинанию. Я получил от него письмо с приглашением написать статью в сборник, в котором бывшие участники “Вех” (кроме Гершензона, ставшего нам политически совершенно чуждым) и многие другие писатели должны были дать принципиальное обоснование своего отрицания большевизма... Было принято предложенное мною название “Из глубины”. Я дал статью под тем же заглавием “De Profundis”... Когда осенью 1918 года разразилась после покушения на Ленина первая волна большевистского террора, сборник как раз был закончен печатанием и лежал в типографии Кушнарeва. Было решено, что выпустить его в свет при тогдашних условиях невозможно. Через три года после этого, в 1921 году, один из моих саратовских коллег, приехав из Москвы, сообщил мне, что сборник вышел и распространяется в Москве — известие довольно жуткое по тому времени. Оказалось, что наборщики типографии Кушнарeва самовольно пустили его в продажу. Дальше Москвы распространение его не пошло и в самой столице он разошелся по рукам, кажется, даже не попав в книжные магазины. Нас, оставшихся в России его сотрудников, спасло, вероятно, то, что на обложке остался помеченный год издания — 1918. Сборник этот есть теперь величайшая библиографическая редкость; в Москве он был в личной библиотеке Н. А. Бердяева, который привез его в эмиграцию» (Франк, 2001: 489–490).

Дополнительный свет на историю сборника проливает и недавно найденное и опубликованное письмо Новгородцева к Струве, в котором тот с обычной для их общения иронией сообщал из Берлина 9 июня 1921 г.: «Случилось вот что: тот сборник “De profundis”, который три года назад Вы в Москве подготовили к выпуску в свет, но вследствие каких-то задержек не выпустили, сейчас, весной 1921 года, в апреле или мае, точно не знаю, вышел из-под спуда. Рабочие Кушнеревской типографии (кажется, в ней он печатался) как-то раскопали его, нашли, что его следует выпустить и выпустили. При этом заглавие им показалось мудреным, они перевели. Так вышел в свет сборник: “Из глубины”, который сейчас, как новая и “значительная” книга (слово “значительная” стоит в полученном мною сообщении) усердно читается и комментируется в Москве. Как автор одной из статей, я хотел бы теперь от Вас, как редактора-издателя, получить причитающийся мне гонорар. <...> Хорошо было бы сборник “Из глубины” достать сюда и переиздать» (Колеров, 2018: 136).

В конце 1922 г. в Германии появился высланный из Советской России Бердяев с экземпляром «Из глубины». Но сборник переиздан не был, а его традиция, напротив, заплодоносила в эмиграции (и не прекратилась и в СССР) — и даже породила ряд собственно «веховских» проектов, которые также не состоялись: не был реализован проект переиздания «Вех», составленный Струве еще до высылки Франка, Бердяева, Булгакова и Изгоева из Советской России в сентябре 1922 г. (Колеров, 2018: 177), а также близкий к нему даже по названию проект А. В. Карташева «Межа» (1923) (Колеров, 2018: 183–190). Думается, причиной того, что «Из глубины» так и не был переиздан в эмиграции, был явный раскол его авторов в СССР и в эмиграции: в СССР на советскую службу поступили Вяч. Иванов, Котляревский и Муравьев, скрылся в полуподполье Аскольдов, эмигранты же в начале 1923 г. резко разошлись в отношении к перспективам советской власти: Струве взял курс на радикальную контрреволюцию, а Франк, Бердяев и Булгаков — на эволюцию.

Важным фактором стало и то, что, как уже было сказано, диалоги Булгакова были дважды переизданы, а Струве осенью 1919 г. выступил в Ростове-на-Дону с двумя лекциями, основанными на тексте его статьи в «Русской Мысли» за 1921 г., № 1–2) напечатаны в виде брошюры «Размышления о русской революции» (София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921). Важно и то, что Струве, хоть и ничем не проявил знакомства с этой книгой, несомненно, хорошо помнил ее текст, ибо обладал феноменальной памятью на книжные имена, тексты и факты. Перед лицом «Смены Вех» и евразийских «идейных сборников» «Из глубины» резко ослаблял убедительность критической позиции Струве, которому пришлось отбиваться от законных, но неприятных объятий «сменовеховцев» и евразийцев и их уверений в том, что признание советской власти национальной в полной мере следовало его заветам о самоценности государственной мощи.

Литература

- Бердяев Н. А. (1992). Письма к М. О. Гершензону (1909–1917) / Публ. М. А. Колерова // Вопросы философии. № 5. С. 119–136.
- Булгаков С. Н. (1918). На пиру богов. Диалоги. Киев.
- Гапоненков А. А., Клейменова С. В., Попкова Н. А. (2003). Русская Мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание. Указатель содержания за 1907–1918 гг. М., Русский путь.
- Колеров М. А. (1991). Архивная история сборника «Вехи» // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 4. С. 11–17.
- Колеров М. А. (2017а). Журнал «Русская Мысль» (1907–1918) и библиография русской периодики // Русский Сборник. Исследования по истории России. Т. XXI. М., Модест Колеров.
- Колеров М. А. (2018). Изнутри: Письма Бердяева, Булгакова, Новгородцева и Франка к Струве. Переписка Франка и Струве (1898–1905 / 1921–1925). М., Циолковский.
- Колеров М. А. (2000). Индустрия идей. Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники. 1887–1947. М.: ОГИ.
- Колеров М. А. (1998). К истории «пореволюционных» идей: Н. Бердяев редактирует «Из глубины» (1918) // Исследования по истории русской мысли. [2] Ежегодник за 1998 год. М., ОГИ.
- Колеров М. А. (2017б). От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. Сборник. М., Циолковский.
- Колеров М. А., Плотников Н. С. (1990). [Комментарии] // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., Издательство Московского университета.
- Колеров М. А., Плотников Н. С. (1991). [Примечания] // Вехи; Из глубины. Сб. М., Правда. [Струве П. Б.] Предисловие [к переизданию сборника «Вехи»] // Колеров М.А. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М., Циолковский.
- Франк С. Л. (2001). Воспоминания о П. Б. Струве // Франк С. Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания / Сост. А. А. Гапоненкова, Ю. П. Сенокосова. М., Московская школа политических исследований.

References

- Berdyayev N. A. (1992). Pis'ma k M. O. Gershenzonu (1909–1917) / Publ. M. A. Kolerova // Voprosy filosofii. № 5. S. 119–136.
- Bulgakov S. N. (1918). Na piru bogov. Dialogi. Kiev.
- Gaponenkov A. A., Klejmenova S. V., Popkova N. A. (2003). Russkaya Mysl': Ezhemesyachnoe literaturno-politicheskoe izdanie. Ukazatel' soderzhaniya za 1907–1918 gg. M., Russkij put'.
- Kolеров M. A. (1991). Arhivnaya istoriya sbornika «Vekhi» // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya. № 4. S. 11–17.

- Kolerov M. A.* (2017a). Zhurnal «Russkaya Mysl'» (1907–1918) i bibliografiya russkoj periodiki // Russkij Sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii. T. XXI. M., Modest Kolerov.
- Kolerov M. A.* (2018). Iznutri: Pis'ma Berdyaeva, Bulgakova, Novgorodceva i Franka k Struve. Perepiska Franka i Struve (1898–1905 / 1921–1925). M., Ciolkovskij.
- Kolerov M. A.* (2000). Industriya idej. Russkie obshchestvenno-politicheskie i religiozno-filosofskie sborniki. 1887–1947. M.: OGI.
- Kolerov M. A.* (1998). K istorii «porevolucionnyh» idej: N. Berdyaev redaktiruet «Iz glubiny» (1918) // Issledovaniya po istorii russkoj mysli. [2] Ezhegodnik za 1998 god. M., OGI.
- Kolerov M. A.* (2017b). Ot marksizma k idealizmu i cerkvi (1897–1927): Issledovaniya, materialy, ukazateli. Sbornik. M., Ciolkovskij.
- Kolerov M. A., Plotnikov N. S.* (1990). [Kommentarii] // Iz glubiny. Sbornik statej o russkoj revolucii. M., Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Kolerov M. A., Plotnikov N. S.* (1991). [Primechaniya] // Vekhi; Iz glubiny. Sb. M., Pravda.
- [*Struve P. B.*] Predislovie [k pereizdaniyu sbornika «Vekhi»] // *Kolerov M. A.* Ot marksizma k idealizmu i cerkvi (1897–1927): Issledovaniya, materialy, ukazateli. M., Ciolkovskij.
- Frank S. L.* (2001). Vospominaniya o P. B. Struve // *Frank S. L.* Neprochitannoe... Stat'i, pis'ma, vospominaniya / Sost. A. A. Gaponenkova, YU. P. Senokosova. M., Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanij.